Нодар Хатиашвили

Дьюри
или когда арба перевернется

Нодар Хатиашвили

Дьюри, или Когда арба перевернется

«Accent Graphics communications»
2016

Хатиашвили Н.

Дьюри, или Когда арба перевернется / Н. Хатиашвили — «Accent Graphics communications», 2016

В книге «Дьюри», все действующие лица без любви не представляют себе жизнь. Однако каждый понимает это по-своему, а нежелание понять друг друга приводит к трагическому концу. Дьюри понимает это слишком поздно, и старается хоть что-то изменить. В книге затронуты моральные и этические проблем семьи.

© Хатиашвили Н., 2016
© Accent Graphics communications, 2016

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 13
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Нодар Хатиашвили
Дьюри или когда арба перевернется[1]

Глава 1
Ну вот, дождался

Поздняя осень. В предрассветной тишине городка Хайдудорог ветерок, то слегка заигрывал с пожелтевшими листьями, то гнал их с мостовых в неприкаянную кучу. Листья лениво покидали удобные места, шурша незлобно, подобно ворчанию уставших пожилых людей. Ещё недавно разноцветные листья перешёптывались между собой от едва уловимого дуновенья ветерка. О чём же? Конечно, о прожитой жизни. Изменяющаяся цветовая гамма деревьев напоминала людям, что всё в мире бренно, «не вечно», несмотря на последний всплеск красоты. Листья парили в небе, медленно опускаясь на землю, покрывали её цветастым ковром, шуршащим под ногами. Падающие листья не только оголяли ветки деревьев, но и выставляли на всеобщее обозрение гнёзда, где под защитой листвы рождались и росли птенцы, и жизнь в гнёздах была скрыта от любопытных глаз, а главное – от врагов…

В приёмной родильного дома, находилось несколько человек, которые не могли усидеть дома в ожидании исхода родов. Среди них подвыпивший мужчина лет под сорок, седой, худой, ухоженный, но с красноватым, как у пьяниц, носом. Никогда не умея ждать: ожидание всегда отнимало силы, а тем более, сейчас, когда их осталось совсем мало. Устав от волнений, тревог и переживаний, он закрыл глаза и постарался сосредоточиться на какой-нибудь мысли, чтобы не заснуть. «Боже мой, как же я устал!..» – с утомительным чувством внутренней безысходности подумал Дьюри. «И когда же, наконец, кончатся мои мучения? Когда ты, Ица, перебесишься?!.. Когда перестанешь рожать мне детей от каждого встречного?! Нет! Так больше продолжаться не может. Как жаль, что тогда я тебя не убил…»

Медленно, словно нехотя всплывали картины минувших дней, вернее, некоторые детали, по которым он, словно за ниточку, вытягивал из памяти целые картины. Вот в памяти Дьюри возник день рождения дочки, который он устроил на широкую ногу. Много гостей. Среди них высокий молодой человек много пил вместе с Дьюри, но при этом не упускал случая поухаживать за Ицей, которая обычно была тихой, немногословной, даже застенчивой, как говорится «не от мира сего», с минимальной энергией в повседневной жизни, но которая просто преображалась при появлении гостей. Своим обаянием она покоряла буквально всех, и в первую очередь мужчин. Какой-то внутренний свет исходил от неё, обещая блаженство мужчинам и тёплые отношения остальным. Она пользовалась всеобщей любовью. Дьюри, конечно, ревновал её ко всем, но уже немного привык к этому чувству за восемь лет супружеской жизни и даже научился не показывать ревность, которая раздражала Ицу. К концу дня рождения Дьюри напился настолько, что не помнил, как закончился вечер и как он оказался в постели. Ночью он вдруг проснулся, как ужаленный. Он лежал на спине в своём парадном костюме. Пошарив рукой на том месте, где должна быть Ица и не найдя, замер. Потом, схватив одеяло, приподнял его. В лучах лунного света, падающего из окна на кровать, казалось, будто в степи образовался шатёр. Но шатёр просуществовал недолго. Дьюри вдруг вскочил, не то от подступившей тошноты, не то от ощущения, что он теряет свою Ицу. Сделав несколько шагов, споткнувшись о человеческие тела, упал. Пытаясь подняться, он встретился взглядом с Ицей. На мгновение онемел, ещё не понял, почему Ица на полу. Но там был и ещё кто-то… Такой явной ненависти в глазах Ицы он ещё не видел никогда. Просто не было сил выдержать взгляд и, пытаясь избавиться от него, Дьюри замахнулся, чтобы убить, уничтожить, больше никогда не видеть эти

когда-то так любимые глаза. Но вместо удара, который должен был закрыть прекрасные и такие страшные для него сейчас глаза, их закрыла блевотина, которая извергалась, да извергалась из его рта, как лава из бушующего кратера вулкана. Вдруг Дьюри почувствовал удар и, теряя сознание, ткнулся носом в тёплую, вонючую лужу…

Утром, когда проснулся, в комнате стоял отвратительный запах, страшно болела голова. Через открытую дверь видно, что Ица приготовила завтрак, Чилла сидит за столом и ест, как обычно. Главное мучение Дьюри было в том, что не мог понять, приснился ли ему кошмарный сон или было наяву? Он с трудом сел на кровать, сунул ноги в тапочки, набросил халат, который лежал на обычном месте, встал и посмотрел на себя в зеркало, в котором он обычно любовался Ицей, когда та раздевалась. Если бы не заплывший глаз, он выглядел бы вполне прилично:

– Есть чем полюбоваться, – промелькнуло у него в голове, и сразу же подумалось: – как хорошо, что сегодня можно отсидеться в адвокатской конторе… никого ни защищать, ни обвинять, ни оправдывать…

Незнакомый голос прервал его воспоминания, он повернулся лицом к говорящему, не понимая, чего от него хотят.

– Простите, у меня кончились спички… Разрешите прикурить, – попросил незнакомец.

Дьюри достал из кармана коробку спичек, зажёг одну из них, дал прикурить. Тот, поблагодарив, удалился, а Дьюри продолжал, как завороженный, смотреть на горящую спичку до тех пор, пока она не обожгла ему руку. Почувствовав боль, он импульсивно дёрнул рукой и разжал пальцы. Спичка погасла. Обожжённые пальцы сунул в рот.

Утомительно жужжа, в оконное стекло бился шмель в поисках выхода.

Последние годы совместной жизни Дьюри чаще жалел себя и свои неудачи валил на Ицу. Вот и сейчас его переполнила такая жалость к себе, что готов заплакать:

– Боже! На кого я похож? Что ты сделала со мной? Ох, как хочется глоточек вина… Чего я здесь сижу? Жду её смерти? Нет, нет… Она привыкла рожать… для неё рожать – привычное дело. Может, я жду смерти ребёнка? Нет, нет… Лучше я выпью стаканчик за их здоровье, – пришёл он к выводу в своих мучительных раздумьях.

От принятого решения Дьюри сразу ожил, открыл глаза, встал, чуть покачнувшись, направился к выходу. Перейдя через дорогу, Дьюри вошёл в маленькую закусочную, подошёл к стойке. В обшарпанной полупустой закусочной, в тёмном углу, опохмелялись несколько человек. За стойкой толстый бармен в засаленном костюме, увидев Дьюри, направляющегося к нему, спросил:

– Ну и кого же тебе в подоле принесёт ненаглядная?

– Пока не знаю… – нехотя промолвил ему Дьюри, кому-то другому, вероятнее всего, не сказал бы ничего, но бармену сейчас не мог не ответить.

– Налей-ка мне стаканчик, а то пересохло в горле..

– Я-то налью, а платить будешь сегодня или…

– И не стыдно в такой день мне это говорить? – абсолютно беззлобно упрекнул его Дьюри.

Он порылся у себя в карманах, выгреб несколько смятых бумажек. Старательно разгладив бумажные купюры на стойке, он протянул одну бармену, остальные аккуратно сложил и сунул в карман. Бармен долго смотрел на него, затем, тоже аккуратно положил полученную купюру в кассу, отсчитал сдачу и, положив мелочь перед постоянным посетителем, налил и поставил перед ним бокал вина. Дьюри сделал первый глоток. Лицо его приняло спокойное выражение. Взяв стакан, сел в одном из тёмных углов закусочной, лицом к стене. Некоторое время сидел без всяких мыслей, наслаждаясь вином. Но когда в бокале напитка осталось на донышке, вдруг держащая бокал рука его задрожала, и нахлынувшие чувства вызвали в памяти картины жизни. Большая комната с когда-то красивыми, но сейчас настолько грязными обоями, что рисунок можно разобрать только выше метра от пола. В комнате мало вещей, но вещи добротные, хотя страшно неухоженные. В комнате кроме него, сидящего за столом и попивающего вино, гото-

вит уроки его старшая дочь Чилла. Жена тоже здесь. Ица вяжет. Остальные дети спят в детской. Дьюри из детей больше всего любил Чиллу, возможно, потому, что она напоминала ему самые лучшие годы совместной жизни с Ицей. К тому же он был совершенно уверен, что Чилла его дочь. Другая дочь – Габриэлла, была младше Чиллы на девять лет. Стройная, с прекрасным лицом и большими карими глазами, она не была похожа ни на Ицу, ни на него, и тут он уже сомневался в своём отцовстве. Она родилась ровно через девять месяцев после возвращения Ицы из Будапешта, где она прожила год, бросив семью. Вернувшись, она родила ему двоих и вот теперь собирается «осчастливить» ещё одним ребёнком. Дьюри хорошо знал, что это не его дети, более того, он знал их отцов. И в тот тихий вечер, сидя за бокалом вина, изредка посматривая на Ицу, которая вязала для ожидаемого ребёнка носочки, он многое вспомнил. Вот так, как всегда, сидя в качалке, Ица вязала для Чиллы, Габи, Тыко и теперь для этого. Всё менялось, квартира становилась грязнее и грязнее, вещей становилось меньше, а те, что ещё оставались, доживали свои последние дни и производили унылое впечатление. Но одно оставалось неизменным: блаженная улыбка на лице жены и лёгкая отрешённость от окружающего мира. Она ждала, ожидание начиналось с четырёх месяцев беременности и сразу исчезало после того, как она кончала кормить ребёнка грудью. И тогда снова начинались его муки.

Ица принималась искать мужчину, она без всякого разбора готова была броситься к любому, кто захочет её приласкать. Она сразу влюблялась и, увлекаясь, забывала всё на свете и жила только одним своим увлечением. Но увлечения у неё проходили также быстро, как и возникали. Увлекаясь, она думала только о своём избраннике, только о нём, но когда увлечение проходило, умирал и объект. И это странное создание снова бросалось на поиск. И снова она ошибалась, и снова всё начиналось сначала.

Ица обладала необыкновенной способностью выводить его из себя буквально одним предложением. Ица вяжет, сидя в качалке, как и в первые, счастливые для него годы, когда ждала Чиллу, которая сейчас уже большая девочка, помощница, вот сидит и учит уроки. Ему больше ничего не нужно… Нужно спокойствие… и он его, кажется, наконец, дождался… Дьюри смотрит с нежностью на Ицу и думает: «Какая она всё-таки прекрасная, как королева на троне… Жаль, Чилла не унаследовала от неё ни одной чёрточки. Бедная моя девочка… я виноват перед тобой, я знаю, но у меня нет сил… Всё я отдал на борьбу за твою мать… Вот сейчас допью стаканчик и поцелую тебя… Я знаю, ты не любишь, когда я пью… Больше не пью! Сейчас закрою бутылку». Дьюри потянулся за бутылкой. Стул под ним заскрипел. Ица оторвала от вязания затуманенные глаза и посмотрела на стол. Увидев, как Дьюри тянется за бутылкой, спокойно произнесла:

– Дьюри не хватит пить?

– Я знаю, что мне делать…

– Да, конечно, но мне потом приходится убирать блевотину за тобой…

Как тот удар в ту роковую ночь отнял у него сознание, так и эта фраза лишила его разума. В мгновение ока Дьюри оказался около Ицы и со всего размаху ударил её. Она даже не успела крикнуть, как вылетела из качалки и распласталась на полу. Дьюри, может быть, и продолжал бы её бить, но почувствовал, что руки его отяжелели. Чилла повисла на них, защищая мать. Гнев его мгновенно прошёл, когда он услышал стон, вырвавшийся из груди Ицы.

Потом скорая помощь, врачи, испуганные глаза детей. Он сопровождал её в больницу. Дети оставались на Чилле. Всю ночь просидел в приемной, устал, а теперь сидит в этой захудалой дыре и… вчерашний вечер не выходит из головы. «Бедная моя девочка, опять всё на тебе, но я не могу тебе сейчас помочь… Ведь кто-то должен присмотреть за Ицей». Найдя для себя оправдание, сразу успокоился. Допив последний глоток, взял бокал, медленно встал и направился в сторону бармена, подойдя к стойке, поставил на стойку.

– Может, что-либо закусить подать? – спросил бармен. – А то с утра… к вечеру и не разберёшься, кто у тебя родился…

– Пожалуй, ты прав, дай мне…

Открылась дверь. Вошёл мужчина, который попросил прикурить, и, обращаясь с порога к Дьюри, громко произнёс:

– Вас ищут врачи…

– Не говорили кто, девочка или мальчик?

– Не знаю, не говорили… знаю одно, они вас ищут…

Дьюри что-то насторожило в голосе незнакомца. От страха перед неизвестностью старался не думать ни о чём плохом. Он обычно так делал, хотя отмахнуться от реальности у него никак не получалось, но так хоть на время защищался от её тяжких ударов. Вот и теперь, другой на его месте, возможно, и побежал бы, а он медленно, покорно пошёл принимать её удар. Он уже чувствовал, что беда подошла к нему, но с какой стороны – скоро выяснится. Силы почти покинули его, просто ноги не хотели нести его на встречу с ещё одним несчастьем. Незнакомец, открыв дверь, дожидался его. Дьюри всё медленнее подходил к двери, в какое-то одно мгновение даже хотел повернуться и уйти, но незнакомец вновь окликнул его. И он нехотя, с трудом вошёл в приёмную родильного дома.

«Я всегда чувствую беду, она приходит, когда у меня нет сил… Вот и медсестра скажет мне… „Мы вас везде искали…“ Можно подумать, если бы нашли, что-либо изменилось бы…»

– Мы вас везде искали, но… – начала дежурная медсестра.

– Но не нашли, – перебил её Дьюри, – и что?..

Молодая дежурная с удивлением посмотрела на него. Ей было нелегко сообщить неприятную весть, а он, на тебе. Она совсем растерялась…

– Ну и чем ты меня хочешь обрадовать?

– У вас родился сын…

Медсестра хотела его обрадовать. На удивлённом лице Дьюри обозначилась улыбка.

– Ну, наконец-то. И на это надо было столько времени… – он умолк, увидев лицо дежурной.

Оба замолчали и смотрели друг на друга некоторое время, затем Дьюри спросил:

– Жена умерла?

– Нет, но ей очень плохо…

– Я могу её увидеть? – Совершенно обессиленный пробормотал Дьюри стандартную фразу, не очень понимая смысл её, так как он сейчас ничего не хотел…

– Присядьте, пожалуйста, как только будет возможно, я вас провожу к ней…

Дьюри медленно побрёл к стульям. Кто-то уступил ему место. Присутствующие с сочувствием смотрели на него. Каждый хотел хоть чем-то помочь ему. Дьюри сидел, согнувшись, низко опустив голову. «Ну вот, дождался… Бог услышал…» – с горечью подумал он. «И что? За что меня так? За то, что я её любил? Нет, нет… здесь что-то не то… Как я устал жить… Что я натворил! Боже, неужели и ты слеп, как люди? Я чего-то не понимаю, устал, пьян, а быть может, чего-то самого главного не понял…»

Мысль его прервалась, так как он почувствовал, что кто-то осторожно, но настойчиво теребит его. Дьюри поднял голову. Перед ним стояла Чилла. Он очень обрадовался дочке, однако в голове быстро промелькнуло: «Откуда она? Где я? Может, всё это только кошмарный сон? Нельзя столько пить…». Затем, чуть придя в себя, обратился к ней:

– Чилла, что ты здесь делаешь, детка? Почему не в школе?

– Я? Я жду.

– Да ты не плачь. Иди домой. Я скоро. Значит не сон, раз ты плачешь…

Он встал и обнял свою заплаканную дочь. Какое-то мгновение Чилла находилась в объятиях отца, но быстро вырвалась, убежала, не сказав ни единого слова. Дьюри постоял, немного растерянно посмотрел по сторонам. Все присутствующие смотрели на него.

– Вся моя жизнь как на корриде, и почему она так всех интересует? Ведь меня никогда не интересовала чужая… Ну, когда же, наконец, я смогу жену увидеть… Надо встать и спросить эту девочку, она всего на год или два старше Чиллы… Зачем? Лучше посижу, наберусь сил и тогда… Оставила она мне сына, а что я с ним теперь буду делать? Дети… Дети… И хорошо и плохо… Больше плохо… Она теперь меня возненавидит, единственная моя дочь… Как дальше жить? Боже, услышь меня сейчас, дай хоть капельку сил, помоги… Не оставь меня, ради детей… Я готов…

Дежурная подошла к Дьюри и с сочувствием произнесла:

– Вы можете увидеть вашу жену…

Дьюри поднялся и покорно пошёл за молоденькой дежурной, которая своим сложением напомнила ему Ицу.

– У неё так же странно ходят ягодицы, как у Ицы, – вдруг промелькнуло в голове у Дьюри. – И сложена она почти так же… Интересно, она ещё девушка? В этом возрасте Ица уже…

Дежурная остановилась у двери:

– Можете войти…

– Спасибо…

Девушка опустила голову, а Дьюри вдруг опомнился: «Боже мой, о чём я думаю! Я совершенно потерял голову».

– Только недолго, пожалуйста, – мягко, но настойчиво проговорила медсестра.

– Хорошо, хорошо… Я недолго, – машинально пробубнил Дьюри именно то, что и должен был сказать в данной ситуации, и желая только побыстрее остаться с Ицей наедине.

Большая комната разделена на маленькие закутки с помощью развешенных простынь, в каждом из отсеков помещалась только кровать да медицинские приборы. У Дьюри задрожали ноги, он оглянулся по сторонам, словно в поисках некой опоры. Комната была безлюдна. Он растерялся на мгновение, но, поняв, что помощи ждать не от кого, собрался и медленно вошёл в закуток, указанный дежурной сестрой. Ица лежала на кровати. Множество трубочек и проводов соединяли её с приборами. «А что нас соединяет?», – вдруг промелькнуло у Дьюри, но он и самому себе честно не мог ответить на задаваемый вопрос. Больше он уже ни о чём не думал. Не было ни сил, ни даже желания искать какой-то ответ. Он давно привык жить, как жилось, плыть по течению, отдаваться силе волн. Бледное лицо Ицы спокойно, глаза закрыты. Дьюри не мог оторвать от неё своего взгляда. Обычно, когда Ица принимала решение, которое должна была сообщить Дьюри, лицо её становилось спокойным, но бледным, поэтому и сейчас он ждал, что вот-вот она откроет глаза и произнесёт своё очередное решение, скорее всего, для него неприятное. Ему показалось, что молчание длилось вечно. И когда терпение лопнуло, ему вдруг захотелось как-то прояснить ситуацию:

– Так больше не может продолжаться…

Бледная Ица молчала. А Дьюри вновь почувствовал, что совершенно обессилел. Он опустился на пол возле кровати. Опять нахлынули воспоминания. Дождавшись, когда Чилла уйдёт в школу, Дьюри вышел из спальни. Ица убирала со стола, делая вид, что не замечает его.

– Доброе утро, – произнёс Дьюри, стараясь говорить по возможности спокойно.

Ица не ответила, как будто его вовсе не было в комнате, хотя, возможно, и была настолько погружена в свои мысли, что не замечала вокруг себя ничего и никого. Вновь возникла мучительная мысль: «Значит, не приснилось». А вслух сердито произнёс:

– Может, увидишь меня?

– Да, прости… Дьюри, я ухожу…

Дьюри посмотрел на неё пристально. Побелевшее лицо Ицы напоминало ему маску. Из практики своей семейной жизни он знал, что с маской не стоит спорить, она его не слышит, но и отказаться от желания уговорить её не мог.

– Куда? – спросил он.

– Да не всё ли равно, – ответила Ица.

– Нет. Конечно, нет. Ица, я тебя не понимаю, у меня страшно болит голова, поговорим в другой раз. Хорошо? Который час? Ох! Я опаздываю в контору… Есть, не буду, прости…

Ица опустила голову, а потом совсем тихим голосом произнесла:

– Другого раза не будет.

Дьюри не то не расслышал, не то, боясь услышать правду, сделал вид, что не слышит, и быстро вышел. Когда он вернулся с адвокатской конторы после работы, Ицы не было. На столе лежала небольшая записка. Дьюри схватил её и начал читать:

Дьюри, прости!

Я знаю, что во многом виновата перед тобой, но я так больше не могу жить. Я тебя предупреждала, что я не могу жить без любви. Но ты настаивал. Я сдалась под твоим напором и вот… Видно, недостаточно, когда любит только один из супругов. Когда устроюсь, заберу к себе Чиллу. Прощай и не ищи меня.

Ица.

С трудом дочитав записку, он как подкошенный сел на первый попавшийся стул, но просидел на нём недолго. Мысли и чувства его менялись от мести до мольбы. Выбежав из дому на поиски Ицы, он так и не знал, что сделает с ней, если вдруг найдёт её.

– Вы что, спите? – теребя Дьюри за плечо, спросила взволнованная дежурная сестра.

– Нет! Что вы, – растерянно промямлил Дьюри, – я только вспомнил…

– Здесь не место для воспоминаний… Вам пора уходить.

– Да, да, конечно, – вставая, промолвил Дьюри, – а что говорят врачи насчёт ребенка?

– Хотя мальчик недоношенный, но они сделают всё возможное, он выкарабкается…

Дьюри заметил, как что-то дрогнуло в лице жены, хотя она продолжала лежать с закрытыми глазами.

– Куда он должен карабкаться? – недоуменно спросил Дьюри.

– В жизнь, – ответила дежурная, но, видя, что Дьюри не понимает её, добавила: – будет жить.

– А… – понимающе промычал Дьюри и, бросив последний взгляд на Ицу, тихим голосом прошептал: «Прости», – а потом обречённо поплёлся за дежурной сестрой, к выходу.

Прошло несколько месяцев. Ребёнок, как и предполагали врачи, выжил, окреп и вскоре не только нагнал в весе своих ровесников, но стал даже опережать многих из них. После каждого посещения врача детской консультации Ица возвращалась домой в приподнятом настроении, что немедленно передавалось всем, даже Дьюри, с которым она начала говорить. В семье отношения стали прямо зависеть от состояния здоровья ребенка. Когда ребёнок капризничал или почему-то плакал, то все чувствовали себя словно виноватыми. Когда же малыш был здоров и весел, то и всем было хорошо. Однако, хорошее настроение Дьюри отравлял страх. Он боялся, что как только Ица почувствует, что ребёнок без неё сможет прожить, она бросит его, как и всех детей до этого, на него или Чиллу и снова начнёт метаться в поисках любви.

Время шло своим ходом, ребёнок рос и набирал в весе. А Дьюри чаще посещали мысли, как бы продлить это время, когда малыш всё ещё нуждается в матери, не может жить без неё. Он даже упросил знакомого врача в детской консультации, чтобы тот держал Ицу в некотором страхе за маленького. Но всему на свете приходит конец. Сколько ни пугал врач Ицу, вскоре она почувствовала, что ребёнку больше ничто не угрожает, и в ней нет такой необходимости, как раньше. А врачам по статусу положено несколько сгущать краски. Она чаще стала поглядывать в зеркало, мазаться разными кремами, засиживаться у подруг. А заботы о сыне сваливать на плечи Дьюри и Чиллы. Дьюри несколько раз пытался поговорить с ней, даже присты-

дить Ицу, когда она поздно возвращалась домой, но, видя, что это раздражает её, перестал. Никакая работа по дому не была ему в тягость, если Ица была дома, но она чаще и дольше задерживалась у подруг. В такие минуты ненавидел всё, что приходилось делать по хозяйству или для детей, и многое взваливал на Чиллу, нимало не заботясь о том, есть ли у неё время или желание выполнить то, что родители не захотели сделать. В редкие минуты раскаяния Дьюри покупал для Чиллы конфеты, стараясь, чтобы никто не увидел, засовывал их ей в карман и почему-то стеснялся этого. Просто ему было неловко перед дочерью. Между тем Дьюри чувствовал, что и для Чиллы конфеты значили гораздо больше, чем просто конфеты. Получив их, она на мгновение замирала, затем заливалась краской, срывалась с места и исчезала на некоторое время. Он даже не знал, нравятся ли ей конфеты? Стыдно спросить дочку об этом, хотя порой он чувствовал, что они ведут себя как заговорщики. Казалось, им обоим это нравилось. Приятно было сознавать, что у них есть своя тайна, тайна от всех, никто о ней не знает, они не говорили об этом даже друг с другом, так как каждый вкладывал в неё своё понимание. Каждый стеснялся открыться, ведь до этого они совершенно не знали друг друга. Для Чиллы взрослые всегда представляли загадку, а уж тем более её собственный отец. Для него Чилла – ребёнок, ещё ничего не смыслящий в жизни, тем паче в его запутанной жизни. К примеру, что она может понять в его отношениях с Ицей, когда он сам не в силах в этом разобраться. Иногда он готов был её убить, иногда ползать перед ней на коленях, пресмыкаться, делать всё, что она пожелает, совершенно не думая о том неприятном, что он знает о ней. Вот и сейчас – он хорошо чувствовал это – она всё больше и больше отдаляется от него. Он всё больше тянется к ней, а она… она тянется в неизвестное, к неизвестному… И он не в силах её остановить. К счастью, хотя она и пропадает, чуть ли не весь день у подруг, вечером она приходит домой, уставшая, измученная, молчаливая. Дети её раздражают, но пока она на них не кричит. Покрутится полчаса, и ложится спать. Во сне она часто плачет и кого-то о чём-то умоляет, но разобрать или понять, в чём дело, сколько он не старался, никак не мог. Постепенно начал привыкать и к этому, и со временем наступила какая-то успокоенность. Он вдруг почувствовал, что у неё сейчас никого нет. Приходила она домой трезвая, прокуренная. В выражении её лица появилась, помимо усталости, ожесточённость и одновременно растерянность. Дьюри чувствовал, что она живёт другой жизнью, он был согласен, лишь бы ничего не менялось. Он и пить стал меньше, стараясь к вечеру, когда она приходила, быть дома и трезвым. Дьюри прекрасно знал, что если Ица трезвая, то она презирает, ненавидит всех пьющих на земле, но не всегда ему удавалось не попасть в число презираемых Ицей людей. Как и в этот вечер. С утра его что-то мучило, хотя признаков для волнения нет. Утро тёплое, светлое. На бледно-голубом небосклоне ни единого облачка. К двум часам пришла Чилла, вся раскрасневшаяся, потная. Она что-то объясняла ему, но он так обрадовался её приходу, что даже недослушал её речи и заторопился по делам. Дьюри по дороге в трактир зашёл к двум подругам Ицы, но не найдя её там, продолжил свой путь в трактир. К семи часам уже навеселе настолько, что не хотелось идти домой, а хотелось другой жизни, без скандалов, без попоек, жизни чистой, спокойной, красивой, такой жизни, какой у них никогда не было, пришла соседка и сообщила ему, что Ица скончалась в больнице. От столь неожиданного известия он настолько опешил, что не только не поверил, но даже не понял, что ему говорят. Понял только тогда, когда на пороге встала Чилла. Горе, ужас, безысходность были на лице его бедной, заплаканной дочери. Эти чувства настолько явно завладели девочкой, что не увидеть их не мог даже пьяный Дьюри. Он был настолько потрясён её видом, что впервые почувствовал, насколько она любила свою мать, хотя в повседневной жизни он этого и не замечал. И тогда вдруг у него мелькнула мысль: «Вот кто, наверное, меня больше всех любит», – и от одной этой мысли он вдруг начал плакать. Плакал долго, навзрыд и никак не мог успокоиться. Окружающие, сочувствуя его утрате, начали его утешать…

Посередине комнаты на столе лежало тело, покрытое белой материей. У Дьюри задрожали ноги. Комната безлюдна. Дьюри подошёл к столу. Постоял немного, потом приоткрыл лицо дрожащей рукой, замер… Лицо Ицы было спокойно, только чуть белее, чем обычно… Дьюри смотрел на Ицу и не мог оторвать от неё своего взгляда. Он прекрасно знал, что если Ица приняла решение, лицо её становилось спокойным, но бледным и поэтому и сейчас ждал, что вот-вот она откроет глаза и произнесёт своё очередное, для него неприятное решение. Это чувство настолько захватило его, что вскоре он и вправду стал ждать этого решения. Молчание длилось вечно. Вдруг Дьюри почувствовал, что рука его почти онемела. Он невольно разжал пальцы.

Белая материя упала, закрыв лицо Ицы. Дьюри овладело чувство безысходности. Другой рукой он потёр своё лицо, как бы приходя в себя.

Силы совершенно покинули его. Он сполз на пол, возле стола, голова упала на руки. «Ну вот, дожил… Бог услышал… И что? Лучше, был бы он глух к моим мольбам в минуту гнева… и прислушался к моим здравым просьбам… За что меня так? За то, что я её любил? Нет! Нет… Здесь что-то не то… За любовь люди наказывают, а не боги… Как я устал жить… Не её надо было лишать жизни, а меня… Она жила и хотела жить… Я всё время мучился из-за неё, а теперь… оставлен, чтобы понять и испытать, как жутко без неё? Что я натворил… Боже, неужели и ты слеп, как люди? Неужели и тебе нужны слова, а не моя душа? Я чего-то не понимаю… Устал… Пьян… А быть может… Чего-то самого главного не понял… Кому нужен храм без божества… Без любви…»

В похоронном бюро была необходима метрика о рождении Ицы. Он, конечно, не знал, где же она лежит, поэтому перерыл буквально все вещи Ицы. Во время поисков, он всё время поражался, какие малозначительные, на его взгляд, вещи могла хранить Ица. Некоторые из них напомнили ему отдельные эпизоды из их совместной жизни. Но основная масса «барахла», как он называл, эти вещи, ничего не напоминала ему. Он также наткнулся на стопку бумаг, исписанную рукой Ицы. Оказалось, что это исповедь. Конечно, сейчас он не собирался читать листки, но немного заглянуть в них решил сразу.

Глава 2
Дневник Ицы

«Почему я завела дневник? Задаю себе этот вопрос, чтобы проверить, смогу ли я писать правду.

Начала писать только потому, что было модно, а затем… Первые дневники сожгла, в них всё было фальшиво. Теперь пишу только для себя, для того чтобы понять, что происходит во мне и вокруг меня. Ведь мне не с кем поговорить. Не такая уж я плохая, как может казаться другим, и кажусь сама себе. У меня нет подруг, с кем можно поделиться… Да и никому всей правды не скажешь… Порой даже себе… Одним не хватает мужества честно взглянуть себе в лицо, такое, какое есть, без помады и кремов, у других нет привычки смотреть правде в глаза (они врут даже себе, по привычке), третьим же – и того и другого…»

Дьюри прервал чтение, слишком много того, что он называл «водой». Он перевернул страницу. Ну, вот, например… и он прочёл:

…Я верю, что послана на этот свет, чтобы осчастливить хоть одного человека. Кто-то из великих мудрецов сказал: «Мир спасёт любовь» – возможно: «Мир спасет красота». Мне кажется, это одно и то же. Что за любовь без красоты?

И что за красота без любви? Хотя… Я всё-таки с ним согласна. Я это чувствую всем своим существом, каждой своей клеточкой…

– Я тоже, – тихо пробормотал Дьюри и начал перелистывать тетрадку в поисках той страницы, где Ица, наконец, начнёт описывать их жизнь. На шестой странице он прочёл:

«Впервые мы с Дьюри встретились у моей приятельницы, когда я забежала на минутку. И почти сразу же почувствовала, что я понравилась ему, почувствовала по взгляду его глаз, которые он сразу смущенно отвёл, как девушка. Мне понравилось, и пока я была у подруги, всё время пыталась заставить его посмотреть мне в глаза, но так и не смогла. Когда он собрался уходить, я попросила его проводить меня, но он под предлогом занятости ушёл так быстро, что я даже не успела взять зонтик из другой комнаты. В течение месяца мы не сталкивались, хотя я иногда пыталась увидеться с ним. Встретились же мы, наконец, на званом обеде у моих знакомых. Он всего раз подошёл ко мне, говорили о чём-то незначительном, недолго. Весь вечер он ухаживал за Эстер. Я чувствовала, что она ему не нравится, но он упорно не отходил от неё. В этот вечер я была в ударе. Буквально всё мужское общество активно ухаживало за мной. Только Дьюри был вне поля моего влияния. В конце вечера это мне просто надоело. Поймав его взгляд, я предложила выпить за Любовь. Не помню, кто предложил пить на брудершафт, но первым возле меня был Дьюри. Мы выпили. Он скромно поцеловал меня в одну щеку, а когда собирался поцеловать в другую и губы его были близко от моего лица, я подставила ему губы. Всего на одно мгновение встретились наши губы и глаза, но этого было достаточно. Весь остаток вечера он был подле меня. Потеряв надежду вернуть Дьюри, разъярённая Эстер вскоре уехала, благо без сцен ревности. С этого вечера Дьюри рядом со мной. Он оказался щедрым поклонником. От его дорогих подарков у меня кружилась голова и, как потом выяснилось, у его родителей тоже, которые ему этого не простили, ведь он был помолвлен в Будапеште на богатой невесте, в которой они души не чаяли.

Все мои желания выполнялись беспрекословно, кроме одного – пить на брудершафт с кем бы то ни было. Это меня забавляло, при удобном случае я делала вид, что пытаюсь нарушить его запрет. Он мгновенно вспыхивал, как от пламени соломинка, я сразу ему уступала, и тогда, словно в благодарность, весь вечер он становился ручным и старался скрыть ревность. До замужества, да и долгое время потом, мне нравилось, что он меня ревнует. Мне тогда казалось, что ревность его – первый признак любви. А единственное, о чём я всегда

мечтала, и мечтаю сейчас, – безумная, и всёпоглощающая любовь. От жизни мне ничего не надо, кроме Любви. Одно мгновение любви и потом… Хоть смерть… Я рождена именно для такой любви, и не для чего другого… Единственное, в чём я не сомневаюсь! Тогда я всего этого не знала, но чувствовала и мечтала… И мне казалось, что время пришло. Мы редко говорили о серьёзном, а возможно, и не говорили вообще, не помню. Он всегда старался угодить, мне это льстило и нравилось, ведь он считался лучшим женихом в городе – прекрасный адвокат с большой клиентурой, не говоря о богатых родителях в Будапеште…»

Прошлое вдруг разом свалилось тяжёлым грузом, чуть не разорвав сердце. Дьюри перестал читать, откинулся на спинку стула, стараясь глубоко дышать. А перед глазами мелькали лица: разгневанное отца, заплаканное матери и растерянное невесты. А в ушах постоянно звучала гневная фраза отца: «Чтобы ноги твоей в моем доме не было. ВОН!!!» Благодаря тебе я всё потерял, а ты… хотя знаешь об этом, но как ни странно, это не влияет на твои поступки… – Воспоминания настолько не давали покоя, что он решил продолжить читать дневник.

«Понемногу я стала узнавать этого человека уже после замужества, вернее, в медовый месяц, когда мы, путешествуя, надолго оставались одни.

Выяснилось, что нам не о чем друг с другом говорить. А вокруг столько красивых, начитанных, возвышенных, утончённых, богатых мужчин, что просто глаза разбегались. Вернулись мы раньше намеченного времени. В меня влюбился один джентльмен. Дьюри от ревности закатывал мне каждый вечер истерики, и вечером вместо приятного общества, где я ожидала увидеть моего ухажёра, мы оказалась на вокзале. Пока носильщик вносил вещи, во мне постепенно нарастала ярость. Я была настолько потрясена его выходкой, что потеряла над собой контроль. В поезде я устроила ему впервые скандал… Тогда я начала понимать, до чего может довести его ревность и как она вскоре начнёт отравлять мне жизнь. Жалость к себе придала мне уверенность. В эту минуту мне трудно было владеть собой. Дьюри вначале возмутился, затем, боясь скандала, начал успокаивать меня, но я больше и больше распалялась. Несмотря на его мольбы успокоиться и взять себя в руки у меня не хватало сил, а обещание вернуться обратно в город, я из гордости отвергла. Постепенно успокаиваясь, я вдруг почувствовала, что равнодушно слежу, как бы со стороны, за собой и за ним, и уже не эмоции руководят мной, а чистый расчёт. Мне стало стыдно. Я села и замолчала. Дьюри, очевидно, решил, что его слова подействовали, присел ко мне и стал нашёптывать что-то ласковое и нежное и вскоре потушил свет. Впервые за вечер, я ему была благодарна. За окном стояла тёмная ночь. Колёса стучали на стыках, словно отстукивали время, а также и расстояние, которое всё увеличивалось между нами и тем городом, где мне было так хорошо. Этого я, конечно, не могла простить Дьюри, ведь я ему пока не изменяла, мне просто доставляло удовольствие кокетничать, но сейчас я поняла без особой радости, но с полной уверенностью, что с этой минуты хозяйка Я и только Я. Мне вдруг стало страшно. Я хотела убежать, вырваться из вагона, где стены, диван неподвижны, а поезд мчался… За окном жизнь, полная страстей и перемен. Я как зачарованная смотрела в окно. Ночь настолько тёмная, что я не могла разобрать, где небо, где земля. Я упорно смотрела в окно в поисках своей звезды…»

Дьюри прекратил читать. – Опять «вода», – раздраженно пробурчал он, – когда же, наконец, она напишет, чего она хочет? Пробегая глазами написанное, он перевернул несколько страниц в поисках именно тех слов, которые объяснят ему многое. Когда же Ица кончит «лить воду» и начнёт описывать прожитую жизнь? Его внимание привлекла фраза: «…у меня родилась дочь…». – Ну, наконец, пошла жизнь, – облегчённо вздохнул он, и перелистал несколько страниц назад, найдя, как ему показалось, начало жизнеописания. Дьюри продолжил чтение.

«*…С момента нашего приезда и до моего первого обморока, который произошёл на вечере у наших знакомых, когда я танцевала с одним из поклонников, ничего нового в моей жизни не произошло. Почти каждый вечер мы с Дьюри посещали наших знакомых. Обычно вечера заканчивались танцами. Я много танцевала. И хотя у меня было много поклонников, насколько*

я помню, никто мне не нравился настолько, чтобы хоть как-то повлиять на мои отношения с Дьюри. Я просто бездумно порхала. Наверное, поэтому никаких воспоминаний у меня не осталось. Обморок больше всех напугал Дьюри, но он сразу успокоился, узнав, что причина – беременность. Меня – наоборот. И хотя, утешая меня, утверждали, что это бывает со многими, меня нисколько не утешало. Я испугалась обморока так же, как первой менструации. Тогда я думала, что просто умираю, истекая кровью. На моё счастье няня заметила и объяснила мне, что я не умираю, а стала взрослой и могу продолжить род человеческий. Если я успокоилась, что не умираю, то меня продолжало волновать, почему нужна кровь, как предупреждение о возможности рожать? Или обморок – предупреждение, что я ношу уже у себя, в себе…»

Чтобы хоть как-то сдержать раздражение и желание выбросить исписанные листки, Дьюри провёл рукой по глазам, сжал виски, закрыл глаза, стараясь успокоиться. С первых лет совместной жизни с Ицей не понимал её желания копаться в том, что не зависело от неё, чего требовала природа, и на что не мог ответить иначе, чем фразой: «Так хочет природа». В самые первые годы «ковыряния в себе», как он окрестил эти поиски, забавляли его, но позже он чаще всего пропускал всё мимо ушей. После рождения Чиллы, когда Ица, наконец, полюбила его настолько, что стала абсолютно «ручной», такие разговоры начали его раздражать, и он с трудом их дослушивал. А позднее они ни о чём не говорили… Но это чувство, видно, засело в нём настолько, что даже сейчас, когда он получил возможность узнать, чего же она хотела от него, или от жизни, ему трудно было спокойно читать… Почувствовав, что немножко успокоился, Дьюри открыл глаза и продолжил чтение, пропустив несколько предложений типа «воды».

«…Меня постепенно перестал интересовать мир вокруг меня. Всё мое внимание переключилось на мой живот, на растущее в нём существо, на его развитие. Боясь причинить ребёнку вред, я не испытывала сексуальной потребности, что абсолютно было непонятно Дьюри, который, наоборот, настойчивее стал приставать ко мне. Вначале он предположил, что я влюбилась в кого-то, затем, поняв, что бессмыслица, начал ревновать к ребёнку. После того как я призналась, что боюсь навредить ребенку, когда он будет получать наслаждение, он сначала рассмеялся, но, видя, что его смех не повлиял на мою решимость, начал насмехаться над моей невежественностью, но и это на меня не подействовало. Чем больше рос мой живот, тем больше я была против половой жизни, и тем настойчивее был Дьюри, а несколько раз… даже противно писать, изнасиловал меня…»

Дальше Дьюри не хотелось читать. Ица даже те годы, которые ему казались безоблачными в их жизни, превращала в кошмар. Он перелистал несколько страниц в поисках описания именно того периода жизни, с которого и начался для него кромешный ад, в котором он находится и по сей день. Его внимание привлекла одна фраза, и хотя это было не то, что он искал, Дьюри продолжал читать:

«…Этот период моей жизни был самым спокойным. Как-то странно я устроена. В жизни у меня мало сил. Если я не увлечена, то всё во мне спит, мне ничто не интересно. Живу я чем-то одним. В этот период я жила одной Чиллой. Не могу объяснить почему, но я чувствовала себя виноватой перед этим созданием. Возможно, потому, что девочка была некрасива, и я предчувствовала, как ей трудно будет жить, и пыталась загладить свою вину перед ней, хотя бы в детстве, пока её жизнь во многом зависит от меня».

– И ненадолго хватило у тебя этого чувства, – со злобой и раздражением буркнул Дьюри и, перевернув несколько страниц, продолжил чтение.

«День рождения Чиллы, который Дьюри отметил на широкую ногу, был в моей жизни переломным. Было много гостей, цветов. Все были нарядны, беззаботно веселы. И среди всего, что радовало глаз, гость из Будапешта, красавец Аттила. Когда нас представляли, я увидела, как у него светились глаза, а когда он стал пожимать мою протянутую руку, дрожь пробежала по ней и, стало трудно дышать от радости… Праздник. Я проснулась… Да, проснu-

лась от спячки, в которую я погрузилась в какой-то мере и из-за своего чувства вины перед девочкой… Я вдруг поняла, что Чилле нужно не моё горе, а моя радость… Ей тоже нужна радость… Радость, как и мне… Радость беззаботного, свободного человека…»

– Только слова, чтобы оправдать свою похоть, – ударив по тетради кулаком, в знак своего возмущения, рявкнул Дьюри, – и тебе не стыдно? Ведь весьма сомнительное оправдание, а пишешь, что будешь писать только правду. Где же правда? Радость, счастье… Оставила нас, меня и Чиллу радоваться, когда сбежала с Аттилой? Всё ты врёшь… – сердце сжалось, он с трудом глубоко вздохнул. Обычно помогало, но сейчас спазм не отпускал. Дьюри постарался выпрямиться, сесть ровно и затем несколько раз глубоко вдохнуть, и тогда чуть полегчало, он продолжил свою полемику с Ицей.

– Ты часто меня обвиняла в том, что я только о себе думаю… Да не о себе я думал… Я всегда думал только о тебе, делал всё, чтобы угодить тебе… удержать тебя… И тем самым потерял тебя… Возможно, если бы я хоть чуть – чуть подумал о себе, этого не произошло бы. Но где взять силы рабу твоему, у которого ничего своего не осталось, кроме полового влечения, которое заполняет образовавшуюся пустоту во мне. Тебе стыдно даже вспоминать, как я тебя несколько раз… Да как я тебя не убил, и сейчас не могу понять. Ведь единственная пружина в твоём организме – похоть. Надо быть слепым, чтобы этого не видеть. Ты ведь оживаешь, вся светишься только при виде мужчины, а когда я подхожу… и требую своё законное, ты строишь из себя монахиню. Не могу понять, за что я влюбился в такую лицемерку. Почему я не бросил тебя после дня рождения?! Как я ещё мог думать о тебе без отвращения, после того как увидал в твоих глазах столько ненависти… или когда я увидел глаза Чиллы, утром, после ночного поиска её исчезнувшей матери… Утопающий хватается за соломинку. Я схватился за бутылку. Возможно, переборщил. Если так, то ты… только ты меня довела до этого… – Дьюри хотя и не выговорился, но замолчал, сердце опять заныло. Он опять постарался глубже вдохнуть и успокоиться, чтобы дочитать до конца Ицын дневник. Посидев немного с закрытыми глазами, Дьюри решил продолжить чтение, хотя и не почувствовал облегчения. Спазм не отпускал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.